

УДК 009

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.41.1.11

А. В. Жукоцкая

Размышления о современной гуманитаристике

Статья посвящена анализу современного состояния гуманитаристики. Автор размышляет о специфике гуманитарного знания и познания, предлагает свой взгляд на проблему кризиса гуманитарных наук и гуманитарного образования, выделяет основные задачи гуманитаристики на этапе информационного общества. В статье рассматриваются трансдисциплинарный и метадисциплинарный подходы к гуманитарному знанию и образованию как фундаментальные методологические основания современного этапа развития гуманитаристики.

Ключевые слова: гуманитаристика; гуманитарное знание; социальные науки; трансдисциплинарный подход; метадисциплинарный подход; методология гуманитарного знания.

Велико искушение начать статью с привычной формулы, включающей в себя понятия «кризис» и «проблемы». Несколько лет назад, рассуждая о гуманитарном образовании в вузе, я тоже использовала эти понятия, поддавшись сложившемуся стереотипу критики по поводу заката гуманитарного образования и гуманитаристики вообще [3]. Но все меняется очень быстро, поэтому не будем торопиться и попробуем разобраться, так ли уж все плохо? Быть может, проблема лежит не в объекте — гуманитарном образовании и гуманитаристике в целом, — а в субъекте, точнее, в сознании того, кто «производит» гуманитарное знание и репрезентирует его? Другими словами, быть может, проблема не онтологическая, а эпистемологическая и когнитивная?

Мне кажется, что кризис не совсем то понятие, которым стоит пользоваться для обозначения сущностных изменений, происходящих в стремительно меняющемся обществе, а значит, и в сознании, и в образе жизни современного человека. Всякая эпоха представляла перед современниками-интеллектуалами как кризисная. Бывает так, что кризис не столько в самом мире, сколько в нашем понимании, а точнее, непонимании этого мира.

Сначала попробуем определиться в понятиях, чтобы не нарушать основного логического закона — закона тождества: мы не имеем права на всем протяжении нашего рассуждения изменять смысл и значение понятий. Гуманитаристику в контексте данной статьи лучше понимать не как простое понятие, а как концепт. За содержательной стороной этого словесного знака стоит понятие, имеющее социальные и культурные корни, закрепленное в общественном опыте,

соотносимое со множеством других понятий, образующих общее конвенционально понимаемое семантическое поле. Другими словами, это понятие не только рациональное, но и чувственно-эмоциональное, а может, и образное. Таким образом, когда в данной статье я использую понятие «гуманитаристика», то имею в виду, во-первых, конгломерат гуманитарных и социальных наук с их спецификой в области постановки задач, выбора парадигм, исследовательских программ и методов; во-вторых, метатеорию, изучающую проблематику наук о культуре и обществе, с общей для них аксиологической, моральной и идеологической направленностью. Разумеется, говорить о гуманитаристике и не говорить о гуманитарном образовании вряд ли возможно, поэтому в дискурс обсуждения проблем гуманитаристики включается и гуманитарное познание (знание), и гуманитарное образование как социальный институт.

Прежде чем определиться с кризисом и проблемами гуманитаристики, скажем несколько слов о специфике этого комплекса наук. Во-первых, своеобразие гуманитаристики заключается в том, что поле наук и научных дисциплин, в нее входящих, далеко не однородно — от философии и истории до социологии, филологии и психологии и других отраслей гуманитарного и социального знания. Заметим, что большинство из этих наук направлены на изучение качественных, а не количественных характеристик и свойств исследуемого феномена. Наличие количественной социологии несколько не противоречит этому заявлению, хотя бы потому, что полученные количественные характеристики исследуемого объекта всегда интерпретируются с целью выявления его качества, его существенных свойств.

Всем известно, что гуманитаристика предполагает разделение наук на две большие группы: социальные и гуманитарные науки. Сейчас не стоит углубляться в основания критериального деления наук и их специфику. Но мысль о том, что социальные науки, в отличие от гуманитарных, дистанцированы от ценностей, ценностных установок и «проводят различие, если не пропасть, между суждениями о фактах и суждениями о ценностях» [6: с. 10], представляется мне несостоятельной. Так же странно для меня звучит, например, суждение К. И. Кийченко о том, что «подлинная гуманитарность знания заключена в его соотносительности с ценностью, зависимости от ценностных установок» и что «ядро гуманитаристики составляют гуманитарные науки, а не социальные» [5]. Из общепринятых названий «гуманитарное знание», «гуманитарные науки» вовсе не следует, что внутри этого знания науки надо делить на ядерные — собственно гуманитарные и периферийные — социальные.

С другим тезисом автора о том, что не следует представлять гуманитарные науки только как строго теоретические дисциплины, что они наполнены конкретным историческим содержанием, конкретными культурными, а часто и политическими практиками, я абсолютно согласна [5]. И так, второй момент, который хотелось бы подчеркнуть, говоря о своеобразии гуманитаристики, это ее аксиологическая и праксеологическая направленность.

Еще в конце XX века известный своей эпатажностью автор идеи методологического плюрализма, или «методологического анархизма», как принято трактовать в нашей стране, Пол Фейерабенд в книге «Прощай, разум» отмечал, что «социальная теория, стремящаяся превзойти историю, способна стать лишь ее непонятной частью» и что «даже наиболее абстрактные теории, будучи внеисторическими по намерению и формулировке, в своем использовании являются историческими: наука и ее философские предшественники являются частями специальной исторической традиции, а не такими сущностями, которые стоят над всей историей» [7: с. 158, 156].

Еще раз подчеркнем, что в контексте этой статьи гуманитарное знание, гуманитаристика понимаются как весь разнообразный комплекс наук, объектом которых выступает социальная, историческая действительность и человек как безусловной центр этой действительности. Социальная действительность не статична, она постоянно изменяется, а инструментом изменений зачастую выступает само познание. Вряд ли кого-то надо убеждать в том, что гуманитарное знание не может быть ценностно-нейтральным. Симпатии и антипатии авторов к тем или иным идеям, гипотезам и их авторам всегда будут проявляться сквозь призму их исследований, вполне уловимо присутствовать в тексте, ведь герменевтическая и интерпретационная парадигмы гуманитарного знания универсальны. Но гуманитарное знание в самом широком смысле этого слова может значительно больше — оно может укрепить существующий порядок, а может поставить его под сомнение или даже подорвать. Признаем, что на основе не только доказанных теорий, а подчас всего лишь идей и гипотез могут приниматься и принимаются важные решения, за которыми следуют и социальные действия. Гуманитаристика не так безобидна и теоретична, как порой представляется, и далеко не всегда гуманна. Не хотелось бы акцентировать на этом внимание, но цветные революции в какой-то степени тоже продукт гуманитаристики. Любое социально значимое решение принимается на определенной идеологической базе не только в смысле политической идеологии, а в самом широком смысле этого понятия как комплекса субъективных идей, теорий, ценностей, закрепленного в формах теоретического и обыденного знания в индивидуальном и общественном сознании. Как бы гуманитаристика ни стремилась к объективности, нам придется признать, что аксиологический и мировоззренческий компоненты в этих науках очень сильны, поэтому ценностную и политическую ангажированность ученого сбрасывать со счетов нельзя. Как отмечал П. Фейерабенд, «вымышленные теории, хотя и не соприкасаются с природой, могут вступать в контакт с нашими убеждениями и с нашей культурой. Часто они представляют мотивы для странных и разрушительных действий. Далекая от реальной жизни политика не терпит крушения, напротив, она воздействует на мир, она ведет к войнам и иным социальным и природным потрясениям. Если она захватывает власть, ее нелегко свергнуть простой аргументацией» [7: с. 183].

Третьей особенностью гуманитаристики является ее специфическая методология. Сейчас стало очевидно, что больше нельзя экстраполировать методы и идеалы естественно-научной рациональности на гуманитарное знание, как это часто делали в социальном познании прошлых двух столетий. Сциентистская установка малопродуктивна или вовсе непродуктивна в силу специфики самого изучаемого феномена: объекты и предметы гуманитарного знания всегда сложны, многоаспектны, многогранны, в какой-то степени синергетичны и не сводятся к набору «протокольных предложений» (Л. Витгенштейн). А поскольку субъектом гуманитарного познания был и остается человек, то придется признать, что исследовательские парадигмы и программы всегда будут формироваться под господствующим влиянием существующей не только научной, но и ненаучной картины мира (системы ценностей, традиций, идеологий, мифологии и т. д.). Методологическая особенность гуманитарного знания в том, что оно не может строго уложиться в прокрустово ложе европейского рационализма. Его герменевтичность, интерпретативность, субъективность предполагают не поиск какой-либо одной истинной теории, все знание нацелено лишь на достоверность гипотез и идей. Чем больше будет версий, гипотез, идей и теорий, тем ближе мы будем к искомой достоверности, и в этом, на наш взгляд, не недостаток, а огромное достоинство гуманитаристики.

Итак, вначале отмечалось, что проблематизация гуманитаристики, особенно в современном российском научном сообществе, часто сводится к идее упадка гуманитарного образования. Аргументируется этот тезис прагматизмом и компетентностным подходом современной системы высшего образования, которые якобы не оставляют места для формирования классической образованности, следом делается вывод о закате и конце прежней гуманитарности. Мне трудно с этим полностью согласиться. Во-первых, потому, что о кризисе гуманитарности и гуманитарных наук писали и говорили во все периоды развития зрелой человеческой цивилизации — от Платона (потерянный «золотой век») до противников позитивизма во всех его направлениях и этапах становления (XIX–XXI вв.). В каждую эпоху предъявлялись свои требования к гуманитаристике, схожей оставалась лишь терминология кризиса. Во-вторых, действительно, нынешний XXI век выглядит очень «негуманитарно», но не менее, чем двадцатый с его двумя мировыми войнами и русской революцией. Конечно, можно сделать вывод о кризисе гуманитаристики, если сосредоточиться лишь на метафорах, как это делает известный социальный философ В. Е. Кемеров. Он отмечает метафоры «фабрика», «производство» («университет как фабрика по производству классического гуманитарного образования...»), «рынок» («оскудение рынка гуманитарной продукции» и т. д.) и делает вывод о том, что гуманитарное знание «конструируется», «производится» и «продается» [4]. На мой взгляд, судить о состоянии самого феномена исходя только из понятийных конструкций, которые мы используем

для его обозначения, не совсем корректно. Согласимся с В. С. Вахштайном, который замечает, что не существует каких-либо формальных запретов на рассмотрение гуманитарного знания в терминах, например, производства и продажи [1: с. 391]. Любое знание, а не только гуманитарное, с тех пор как образование и наука стали социальными институтами, «конструировалось», «производилось» и «продавалось», и ничего угрожающего я в этом не вижу. Далее В. С. Вахштайн замечает, что если уж говорить о кризисе гуманитарного знания в России, то он вытекает, скорее, из того, что «производится оно в малых количествах (и, очевидно, низкого качества), конструируют его “не те” акторы, и продается оно довольно плохо» [1: с. 391]. Но в таком случае это вряд ли кризис в его онтологическом смысле, это можно рассматривать скорее как кризис институции, что в общем-то поправимо на уровне управленческих решений. Но есть, на мой взгляд, принципиально важный момент в рассуждениях В. С. Вахштайна. Автор замечает, что чаще всего мы склонны отождествлять интеллектуальный кризис с институциональным или подменять эти понятия. Рассуждая о кризисе гуманитарного мышления, мы видим его как результат развала «индустрии гуманитарности». «Упадок гуманитарного знания мыслится исключительно как упадок социальных институтов, гарантировавших ранее его “производство”, “распространение” и “потребление”, — классических университетов, интеллектуальных журналов, специализированных издательств и, что немаловажно, фондов. Как будто обсуждается не кризис идей, не деградация самого гуманитарного мышления, а исключительно распад инфраструктуры социального производства знания» [1: с. 391]. Автор видит за этим аксиому вульгарного социологизма, когда знание прочно спаяно в сознании людей с социальными институтами, его производящими, и практиками его потребления. Вероятно, это так и есть. Мы прочно ассоциируем знание со знанием теоретическим, закрепленным институционально в образовании и науке, хотя на самом деле концептуальные знания составляют лишь небольшой процент от огромного массива обыденных, массовых, внерациональных и даже иррациональных (интуиция) знаний, которые будучи «фабрикой значений», позволяющей индивидам понимать друг друга и коммуницировать, играют огромную роль в жизни каждого человека. По мнению В. С. Вахштайна, «дефицит гуманитарности начинается именно как дефицит эксклюзивного гуманитарного знания и эксклюзивного же гуманитарного образования». Он наблюдает «тенденцию к отысканию новых, “немассовых” форм гуманитарности» [1: с. 392]. Но если автор констатирует наличие тенденции к поиску новых «немассовых форм гуманитарности», то это, на мой взгляд, не свидетельство кризиса гуманитаристики, а, напротив, свидетельство ее развития.

Итак, настало время все-таки определиться по следующим основаниям: есть ли действительно кризис гуманитаристики как феномена или мы имеем дело с когнитивным симулякром кризиса? Не нарушаем ли мы закон тождества

и не подменяем ли мы методологическую специфику гуманитарного знания понятием «кризис»? Каковы в контексте наших рассуждений цели, задачи и перспективы гуманитаристики? Действительно ли нужна какая-то новая теория или новая методология для развития гуманитарных и социальных наук в обстоятельствах цифровой дегуманизации? Начнем с последнего вопроса. Лучше П. Фейерабенда я не скажу: «Воинственные крики “нам нужна новая теория”, которые можно услышать всякий раз, когда отдельный ученый или целая дисциплина не знают, что делать, выражают не необходимое условие познания, а лишь интересы некоторой группы, поддерживаемые сомнительными аргументами» [7: с. 154–155]. В самом начале статьи я заметила, что проблемы не стоит искать в объекте исследования, в нашем случае — в гуманитаристике. Проблема, по определению, продукт нашего сознания, это вопрос, который мы задаем себе и на который еще нет ответа. Этот ответ и следует искать. Дело не в отсутствии новой теории или новой парадигмы, дело в том, как мы осмысливаем феномен гуманитаристики в новых обстоятельствах — в обстоятельствах, которых никогда прежде не было. Важно именно это.

Отвечая на вопрос о целях, задачах и перспективах гуманитаристики на этапе перманентных инноваций и цифровизации нашего общества, замечу следующее. Во-первых, совершенно очевидно, что гуманитаристика, гуманитарные и социальные науки приобрели новое качество, на которое следует обратить особое внимание, — конвергентность. Подобно конвергентным наукам (био-, нано-, IT- и когнитивным знаниям и технологиям), современная гуманитаристика не в состоянии ответить на вызовы современности и фундаментальные вопросы человека и общества, не привлекая достижения других, смежных областей знания. Следовательно, интеграция знаний, опыта различных дисциплин — это отличительная черта современной гуманитаристики.

Ее будущее, вероятно, лежит в трансдисциплинарном и метадисциплинарном поле. На этих двух принципах, на мой взгляд, базируются основные цели и задачи не только гуманитарного образования. Под метапредметностью понимается «умение анализировать, синтезировать, интерпретировать и использовать все знания и предыдущий опыт для решения поставленной задачи и достижения цели» [3: с. 59.]. Специалисты утверждают, что чем лучше сформированы навыки на метапредметном уровне, тем успешнее будет осваиваться та или иная предметная область знания.

Мир постоянно усложняется, обретая черты хаоса, а точнее, синергетической системы, с ее аттракторами и точками бифуркации. Трансдисциплинарность (кроссдисциплинарность) — тот принцип организации гуманитарного знания, который поможет нам приблизиться к объяснению и решению проблем сверхсложных социальных систем, которые не могут быть решены в рамках какой-либо одной научной дисциплины. Все чаще взор исследователей-гуманитариев обращается к объектам, которые находятся в трансдисциплинарном пространстве. Совершенно справедливо, на мой взгляд, полагает О. В. Воробьева:

пришло время, когда кроссдисциплинарность должна быть осмыслена как форма самосознания и профессиональной организации ученых. Она видит два направления, по которым пойдет поиск ученых-гуманитариев: «1) через изучение проблемных полей, алгоритмов и механизмов дисциплинарного развития, выделение гуманитарных констант, динамики функционирования в социальном и культурном пространстве, характерных для гуманитарного знания в целом (взамен “механического” суммирования разных гуманитарных дисциплин); 2) через поиск интегральной парадигмы междисциплинарного синтеза, нацеленной на синтез гуманитарного знания с естественнонаучным (в самом широком диапазоне)» [2: с. 167]. Я абсолютно согласна с обнаруженными автором тенденциями, тем более они подтверждены исследовательскими и образовательными практиками. Например, историческая наука все чаще обращает свой взор на дисциплинарные поля социальной биологии, моральной географии, антропологии, экологии, семиотики, культурологии и т. д.; современная философия невозможна без истории, социальной психологии, биоэтики, нейрологии, когнитивистики, конвергентных наук; современная социология все чаще проявляет себя как феноменологическая теория, опирается на математическое знание, анализ больших данных, и этот список можно продолжать. Заметим, что все это происходит, несмотря на более или менее четкую демаркацию в теории и методах. Итак, не только специфика, но и перспективы развития современной гуманитаристики в том, что в нее будут инкорпорироваться фрагменты научных дисциплин, ранее далеко отстоявших от того, что понималось под гуманитарным знанием. А это, в свою очередь, потребует тщательного и, быть может, нетрадиционного подхода к методологическому арсеналу наук, входящих в понятие «гуманитарное знание».

Возвращаясь к целям и задачам гуманитаристики, отмечу, что мы видим ее основную цель в поисках адекватных ответов на вызовы современной реальности, которая проявляет себя порой парадоксально. Реальность, в которой мы существуем, с одной стороны, глобальна и целостна, с другой — абсолютно дифференцирована, разновекторна и ситуативна; с одной стороны, иерархична, с другой — лишена единого центра, поэтому определяющую роль начинают играть многочисленные связи и отношения элементов этой реальности — сети, а не части целого. Нынешняя реальность обретает характер скорее синергетической системы, чем классической.

В этих обстоятельствах гуманитарное знание выигрывает по сравнению с естественно-научным, опирающимся на логику системного анализа. Гуманитарное знание как раз располагает методологией несистемного анализа, может предложить сочетание системного и несистемного анализа. «Нам нужны аргументы, но также нужны предрасположенность, религия, философия и все, что угодно, — вместе с науками и политическими учреждениями, рассматривающими человека как неотъемлемую часть природы и общества, а не как независимого от них творца. Для того, чтобы найти такую философию

и соответствующие социальные структуры, нам нужны новые креативные акты. Эта философия (религия) и социальные структуры уже существуют, хотя бы в наших книгах по истории, ибо они возникли давным-давно, в ту эпоху, когда идеи и действия были результатом естественного развития, а не конструктивных усилий, направленных против тенденций такого развития. Существуют поэмы Гомера, существует таоизм, существует множество “примитивных” культур, сравнение с которыми заставляет нас испытывать чувство стыда. Мы не можем отвергнуть их воззрения только на том основании, что они расходятся с “наукой”, которая может противостоять реальным вещам, а “современная ситуация” представляет собой катастрофу, бросающую вызов нашим сокровенным желанием и надеждам», — так писал П. Фейерабенд в конце XX века [7: с. 183].

Все, что связано с воспитательными, образовательными, мировоззренческими векторами гуманитаристики, я бы отнесла не к цели, а к важнейшим задачам этого комплекса наук.

Очевидно, и об этом бесчисленное количество раз писали, что гуманизация и гуманитаризация образования должна быть важнейшим системообразующим основанием образовательной системы. Гуманистические тенденции закреплены в Федеральном законе «Об образовании в РФ», где основной целью образования обозначено создание условий для развития тех качеств личности, которые нужны для продвижения к цели, поставленной самим человеком. Также очевидно, что гуманитаристика в целом и гуманитаризация образования в широком смысле — это мировоззренческая и когнитивная база для разностороннего развития личности будущего специалиста, формирования его самосознания, ценностных ориентаций, критического и рефлексивного отношения к действительности. В условиях ускоряющегося развития, информационного хаоса и стремительной цифровизации, на мой взгляд, важнейшая задача гуманитаристики и гуманитарного образования — охранительная. Важно не позволить человеку превратиться в цифрового раба; для этого в арсенале гуманитаристики существуют такие охранительные механизмы, как феноменологическая методология, критическое мышление, здравый смысл, когнитивные и креативные практики и т. д. Таким образом, сознание гуманитария в большей степени, чем у технаря адаптировано к различным, а нередко и альтернативным способам описания реальности, гуманитариям гораздо легче без особых психических aberrаций адекватно реагировать и интерпретировать стремительно меняющуюся действительность, его сознание уже подготовлено к этому. Не менее очевидно, что и профессиональная культура человека напрямую связана с уровнем его общей культуры и гуманитарной подготовки. Но, повторяю, все это я склонна относить к задачам, а не к основной цели гуманитаристики.

И, наконец, отвечаю на первый вопрос: есть ли подлинный кризис гуманитаристики или понятие «кризис», так часто в последнее время используемое для определения состояния современной гуманитаристики, всего лишь концептуальный симулякр? Не беру на себя смелость оценивать все существенные

изменения, происходящие во всех сферах и направлениях гуманитарного знания и познания. Могут лишь высказать свою позицию так, как я это понимаю. В отдельных отраслях гуманитарного знания — философии, истории, социологии, социальной психологии и др., — безусловно, происходят принципиальные и в первую очередь методологические изменения как ответ на глобализационные, информационные, системные изменения общества. Все это меняет характер мышления и тип культурных ориентаций исследователей. Классический тип мышления, долгое время детерминированный парадигмой научной рациональности, уступает место мышлению «человеческому», т. е. гуманитарному, мышлению не по поводу предмета, а по поводу того, как этот предмет дан человеку. Это все то же самое рефлексивное мышление, но обращенное не на чистый объект, а на человеческое измерение этого объекта. «Все большее число математиков и ученых-компьютерщиков рассматривают математику как человеческую деятельность, то есть как некоторую историческую традицию. Теории используются, но в более свободной и экспериментальной манере. И столкновение между естественными и гуманитарными науками... свидетельствует о том, что существовало знание и до теорий, что оно развивалось и улучшалось и что оно обладает огромной устойчивостью» [7: с. 154]. Именно этот феноменологический сдвиг в сторону субъективности, требующий порой принципиальных методологических изменений, на мой взгляд, часто репрезентируется как кризис. Кроме того, как я уже отметила ранее, в понятие «кризис гуманитарного знания» часто включается кризис самих институтов гуманитаристики — учебных, образовательных, научных, издательских, СМИ и т. д. Поэтому вряд ли следует оценивать состояние современной гуманитаристики как кризисное. Напротив, гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарное образование постепенно обретают должный статус в социальном распределении знания в нашем обществе. Соглашусь не с тем тезисом, что для гуманитариев в России сегодня нет рабочих мест, а с высказыванием научного руководителя Института всеобщей истории А. О. Чубарьяна, который заметил, что «для гуманитария работодатель — вся страна!»¹. Самый простой пример гуманитаризации образования — это внедрение элементов системы Liberal Arts в учебный процесс многих вузов, в том числе и в МГПУ: элективные дисциплины для студентов практически всех курсов, дисциплины «Культурные коды», «Великие книги» — и все это — помимо обязательного гуманитарного модуля. Это прямое подтверждение того факта, что значимость гуманитаристики и гуманитарного образования понимается по крайней мере на уровне управления образованием в вузе. И это не единственный пример: Санкт-Петербургский государственный университет, РАНХиГС (Москва), НИУ ВШЭ (Москва), Тюменский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет

¹ Цит. по: Гуманитарное образование: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Аккредитация в образовании: информационно-аналитический журнал: сайт. URL: http://www.akvobr.ru/gumanitarnoe_obrazovanie_problemy_i_perspektivy.html / (дата обращения: 11.09. 2017).

(Архангельск), Астраханский государственный университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Дальневосточный федеральный университет — и этот список, я уверена, будет расти. Тем более что наблюдается и общественный, и государственный запрос к гуманитариям, который проявляется в интересе к экспертным оценкам, подтверждающим надежность и гарантированность знания и результатов его использования. «Доверие к экспертным оценкам все больше становится первостепенным по важности условием достоверности знаний, имеющих глобальный горизонт анализа, выводов, прогнозов. Этому способствует как растущая сложность и абстрактность глобальных систем жизнедеятельности, так и быстрое обновление фундаментальных основ» [2: с. 170].

Если обратиться к родовым признакам классического университетского образования — фундаментальности и универсальности, то гуманитаристика в самом широком смысле этого слова отвечает этим требованиям. Социальные и гуманитарные науки выполняют важнейшую функцию, не только мировоззренческую, что очевидно, но и конвенционально-коммуникативную. Они позволяют людям понимать друг друга и разделять ценности и убеждения, закрепленные в том, что называется картиной мира. А это не только существующие научные представления, но и стиль и образ мышления, убеждения, идеи, традиции, мифы, образцы деятельности и поведения, личностные знания и многое другое, что собственно и называется культурой. «Этот мир не является неизменной сущностью, населенной мыслящими муравьями, которые, ползая по нему, постепенно раскрывают его особенности, никак не воздействуя на них. Это динамичная и многоликая сущность, которая воздействует на ее исследователей и испытывает на себе их воздействие. Когда-то мир был наполнен божествами; затем он превратился в однообразный материальный мир; но существует надежда, что он вновь изменится и станет более доброжелательным миром, в котором материя и жизнь, мысль и чувство, инновация и традиция будут сотрудничать на благо всех» [7: с. 163]. На наш взгляд, основная миссия гуманитаристики — сотрудничество со всеми науками на благо всех.

Литература

1. Вахштайн В. С. Гуманитарное знание: «кризис перепроизводства»? // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 390–398. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-znanie-krizis-pereproizvodstva/viewer> (дата обращения: 30.10.2020).
2. Воробьева О. В. О современном состоянии и перспективах развития гуманитарного знания: взгляд историка // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. С. 162–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennom-sostoyanii-i-perspektivah-razvitiya-gumanitarnogo-znaniya-vz> (дата обращения: 29.10.2020).
3. Жукоцкая А. В., Овчинников Д. Е. О некоторых проблемах гуманитаризации образования в современной высшей школе (социально-философский дискурс) // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2018. № 1 (25). С. 53–62.

4. Кемеров В. Е. Взаимодействие социально гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М.: Логос, 2003. С. 84–88.

5. Кийченко К. И. Соотнесение ценности и научного знания в гуманитаристике // Вестник славянских культур. 2011. № XXI. С. 12–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnesenie-tsennosti-i-nauchnogo-znaniya-v-gumanitaristike/viewer> (дата обращения: 30.10.2020).

6. Огурцов А. П. Страстные споры о ценностно-нейтральной науке // Лэйси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. М.: Логос, 2008. С. 8–34.

7. Фейерабэнд П. Прощай, разум / [пер. с англ. А. Л. Никифорова]. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.

Literatura

1. Vaxshajtjn V. S. Gumanitarnoe znanie: «krizis pereproizvodstva»? // Voprosy` obrazovaniya. 2006. № 4. S. 390–398. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnoe-znanie-krizis-pereproizvodstva/viewer> (data obrashheniya: 30.10.2020).

2. Vorob`eva O. V. O sovremennom sostoyanii i perspektivax razvitiya gumanitarnogo znaniya: vzglyad istorika // Prepodavatel` XXI vek. 2016. № 4. S. 162–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennom-sostoyanii-i-perspektivah-razvitiya-gumanitarnogo-znaniya-vz> (data obrashheniya: 29.10.2020).

3. Zhukoczkaya A. V., Ovchinnikov D. E. O nekotory`x problemax gumanitarizacii obrazovaniya v sovremennoj vy`sshej shkole (social`no-filosofskij diskurs) // Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki». 2018. № 1 (25). S. 53–62.

4. Kemerov V. E. Vzaimodejstvie social`no gumanitarny`x disciplin // Prepodavanie social`no-gumanitarny`x disciplin v vuzax Rossii: sostoyanie, problemy`, perspektivy`. M.: Logos, 2003. S. 84–88.

5. Kijchenko K. I. Sootnesenie cennosti i nauchnogo znaniya v gumanitaristike // Vestnik slavyanskix kul`tur. 2011. № XXI. S. 12–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnesenie-tsennosti-i-nauchnogo-znaniya-v-gumanitaristike/viewer> (data obrashheniya: 30.10.2020).

6. Ogurczov A. P. Strastny`e spory` o cennostno-nejtral`noj nauke // Le`jsi X. Svobodna li nauka ot cennostej? Cennosti i nauchnoe ponimanie. M.: Logos, 2008. S. 8–34.

7. Fejerabend P. Proshhaj, rozum / [per. s angl. A. L. Nikiforova]. M.: AST: Astrel`, 2010. 477 s.

A. V. Zhukotskaya

Reflections on Modern Humanitarians

Article devoted to the analysis of the modern state of humanities. The author reflects on the specifics of humanitarian knowledge and knowledge, offers his view on the problem of the «crisis» of the humanities and humanities education, highlights the main tasks of humanitarianism at the stage of the information society. The article examines transdisciplinary and metadisciplinary approaches to humanitarian knowledge and education as fundamental methodological foundations of the modern stage of humanities development.

Keywords: humanitarianism; humanitarian knowledge; social sciences; transdisciplinary approach; metadisciplinary approach; methodology of humanitarian knowledge.